

ИХ ДРУЖБА длилась десятилетия, ей черной завистью завидовали недруги, даже пытались вбить клин. Но так и не удалось посеять семена неприязни между большими учеными. Наоборот, чем больше старались "насолить", тем ближе и роднее становились они. проявляя при этом искреннюю заботливость, усердные хлопоты, беспокойство друг о друге.

В 1947 году в составе делегации Верховного Совета СССР Каныш Имантаевич Сатпаев, бывший в то время президентом Академии наук Казахстана, впервые выезжал за рубеж, в Англию. Когда собирался в поездку, у него в гостях побывал Михаил Русаков. Оглядываясь по сторонам, тихо прошептал: "Ты уж там поосторожнее, в капстране, Канеке. Ничего лишнего не говори, как бы чего не вышло. Интересуйся только геологией. И привези нам на память несколько камней из Британского музея. Говорят, это богатейший в мире музей, нам бы такой заиметь".

Несмотря на создавшиеся после войны разногласия между Англией и СССР, английские ученые, политики и лично Уинстон Черчилль тепло встретили советских парламентариев. Гостям была предоставлена возможность побывать там, где они хотели. К.И. Сатпаев вспомнил совет своего товарища и заглянул в знаменитый Британский музей, долго изучал там коллекции драгоценных камней разных веков и земель. Наконец, спросил у хранителя музея:

- А что, медных руд Джекказгана у вас нет?

- К сожалению, нет, - ответил сотрудник музея. - Зато мы богаты на руды из Северной Родезии. Можем вам подарить. Говорят, эти руды близки по содержанию к джекказганским.

И записал алма-атинский адрес Сатпаева, чтобы выслать ему коллекцию камней из Африки. Со временем она заняла достойное место в геологическом музее Алма-Аты, созданном Сатпаевым совместно с Русаковым.

Совместно.. Это слово можно повторять до бесконечности, ставя рядом два имени: Сатпаев и Русаков. Хотя у них была разница в возрасте семь лет, они не чувствовали ее, так были привязаны друг к другу.

Впервые я обратил внимание на связь этих имен, читая материалы III сессии ученого совета Академии наук СССР, посвященной проблемам Большого Алтая и Большого Джекказгана. Она проходила в Москве в 1934 году. Среди материалов сессии я нашел статью "Месторождения руд железа и марганца в Джекказган-Улутауском и Атасуйском районах", написанную Русаковым и Сатпаевым. Впервые в этой работе подробно сообщалось о месторождении Улькун-Джекды, расположенном в четырех километрах от урочища Найзатас на правом берегу реки Джекды, давался детальный геологический план коренных выходов марганцевых руд. Да, да, именно здесь позже, в 1942 году, будет построен знаменитый Джекдинский марганцевый рудник, который покрывает дефицит в ценном металле, вызванный фашистской оккупацией Чиа-тур и Никополя.

ИХ ДРУЖБА началась еще в двадцатые годы в Домском технологическом институте. Сатпаев был еще студентом, а Михаил Петрович уже дипломированным инженером-геоло-

гом Каныш Имантаевич засиживался дотемна", - писал Михаил Петрович. И дальше: "Расстались мы в августе 1923 года с большими чувствами и интересом друг к другу, даже не догадываясь, что в будущем жизнь столкнет нас на совместной работе".

Уже с 1927 года их пути сближаются. Именно в тот год в Москве проходило второе всесоюзное совещание по цветным металлам. На нем

сказать, что и Сатпаев не раз и не два выручал своего старшего друга, пособлял ему на изломах и крутых поворотах жизни. Когда многие спецы в Геолкоме хотели завалить М.П. Русакова с его открытием Коунрадского месторождения, Сатпаев горячо отстаивал необходимость разработки детища Михаила Петровича и строительства завода-гиганта на берегу Балхаша. М.П. Русакову Каныш

раде. Может быть, я смогу найти там людей, которые близко знали Русакова.

Приехав на "русаковские слои", я сразу стал искать свидетелей его пребывания в Коунраде. В конце концов поиски привели меня к начальнику тепловодоснабжения рудника, геологу Василию Владимировичу Червинскому. В геолого-разведочной службе Казахстана он проработал около трех десятилетий. Когда был

популярно в народе. Тут уже ничего не поделаешь, чтобы не возмущать людей надо поменьше казнить их любимцев.

После настоятельных просьб Сатпаева уменьшили срок и его другу Русакову, так и не понявшему до конца дней своих, за что же он пострадал. Как бы там ни было, в 1954 году Михаил Петрович вернулся из мест не столь отдаленных и сразу к Сатпаеву. Поступил в его квартиру в Алма-Ате, спросил-

- Странников на ночлег не берете?

Дочь Сатпаева, Меиз Канышевна, которая открыла дверь, не узнала его поначалу. Она мне рассказывала: "Я помнила его по Карсакпаю молодым, красивым. А тут передо мной стоял сгорбленный старец, с огромной длинной седой бородой. Вроде пришел за милостыней... И только когда взглянула в его горящие светом глаза, вспомнила - точно такие были у Михаила Петровича. И крикнула: "Папа, Русаков вернулся!" Они обнялись. Папа сказал: "Вовремя ты вернулся, Михаил. Производственники хотят закрыть твой Коунрад, мол, запасы руд истощились. Я в это не верю, надо отстаивать Коунрад".

И тут Русаков радостно вздохнул: "Конечно, отстаивай!".

В.В. Червинский в 1954 году попросился на работу в Восточно-Коунрадскую геолого-разведочную партию. Она в тот год возобновила разведку недр Коунрада. Эксплуатационники считали, что рудник будет скоро выработан. Геолог по совету К.И. Сатпаева стремились опровергнуть это мнение.

В 1955 году, когда Червинский вел документацию керна на буровых вышках, туда приехал Русаков.

- Да никак это мой юный сибирский коллега Васютка! - обнял бывшего студента-практиканта Михаил Петрович. И тут же, смахнув ладонью набевашшую слезу, одобрительно сказал:

- Правильно, Василий, сделал, что приехал в Коунрад. Мы непременно должны доказать эксплуатационникам, что они не правы. Запасы Коунрадского месторождения во много раз больше, чем они предполагают.

Всего с неделю пробыл тогда Русаков в Прибалхашье. Он сделал несколько докладов о будущем Коунрада, доказывая, что отказываться от разработки ценного месторождения было бы нелепо. Ведь его основное рудное тело скрывается в глубинах земли. Это были последние встречи Михаила Петровича с рабочими и специалистами рудника, геологами.

Я не раз посещал Балхашский краеведческий музей и всегда останавливался в уголке М.П. Русакова. Здесь с большой точностью воспроизведен кабинет Михаила Петровича в ленинградской квартире, в которой он жил с 1920 года. Очень много личных вещей: письменный стол, стул, чернильница, минералы, найденные Михаилом Петровичем в Прибалхашье. Есть личная библиотека ученого-геолога, тут же и его книга "Медное месторождение Коунрада", изданная в 1934 году. Все это передали в дар музею сноха видного ученого Нина Павловна Русакова и его сын - геофизик Игорь Михайлович Русаков. Нина Павловна до сих пор живет со своим сыном Михаилом, названным в честь деда, в петербургской русаковской квартире, часто перепи-

Люди и годы

"ЭТО БЫЛО ВЕЛИКОЕ, ЧИСТОЕ ЧУВСТВО"

НИКТО еще вразумительно и более или менее подробно не рассказывал о дружбе двух замечательных геологов - К.И. Сатпаева и М.П. Русакова. Между тем, в личном архиве первого академика республики до сих пор хранятся десятки писем русского ученого. Точно так же в почте Русакова собрано немало весточек от дорогого друга Канеке.

НА СНИМКЕ: М.П. Русаков и К.И. Сатпаев на даче (1960 г.).

Русаков делает доклад "К дальнейшему развитию геологических работ в казахской степи", в котором аргументирует необходимость расширения фронта работ по поиску месторождений в Центральном Казахстане. К.И. Сатпаев поддержал своего русского друга, ибо уже начал колонковое бурение на рудосодержащих площадках Джекказгана и открыл там рудные тела большой мощности. "Интуиция геолога мне подсказывает, что в джекказганской степи огромные пласты руды с большим содержанием меди, марганца, железа!" - взволнованно говорил Сатпаев, вторя Русакову, требуя расширить объем буровых работ в Центральном Казахстане.

Поддерживая Сатпаева, Михаил Петрович не раз и не два выезжает в Карсакпай, знакомится с джекказганским рудным месторождением. Специалисты Главцветмета не верили в перспективу крупного медного месторождения под Карсакпаем и всячески тормозили развитие буровых работ в безлюдных степях. М.П. Русаков писал: "По-прежнему в главке исходили из цифр запасов, оставленных нам в наследство концессионерами... Уже в 1927 году Каныш Имантаевич сделал установку на опровержение этих представлений: не сотни тысяч, а миллионы тони меди должны лежать в недрах Джекказгана". И в 1929 году правительство выделило большие средства для ускоренного развития цветной металлургии в Джекказгане. В руках у Сатпаева, его товарищей появились отменная по тем временам техника

Имантаевич говорил откровенно: "Я очень ценю и понимаю твои крупнейшие достижения, такие, как Коунрад, Алмалык. . ."

* * *

Узнав, что я хочу написать очерк о дружбе К.И. Сатпаева с Русаковым, дочь Каныша Имантаевича, доктор геолого-минералогических наук Меиз Канышевна Сатпаева прислала мне из Алматы бандероль.

"Посылаю вам фотографии из семейного альбома, где папа с М.П. Русаковым, - написала она в своем письме. - К сожалению, не нашла еще одну - карсакпайских времен. Если найду, пришлю. Писать о их дружбе, наверное, непросто - это было великое, чистое чувство, которое, как родник, питало поиск, творческую работу по открытиям богатых месторождений Казахстана. Они ведь были знатоками в этом деле, поднимали на своих плечах геологию республики".

И далее: "Когда будете писать о дружбе Сатпаева и Русакова, не забудьте о той большой совместной научной работе, которую они провели бок о бок в стенах Академии наук республики. А то их вспоминают только в связи с открытием месторождений в Джекказгане и Коунраде. Это неверно. Они были не только геологами, но и крупными учеными, вместе создали ряд больших крупных трудов. Прежде всего я имею в виду их общие усилия по созданию металлогении Казахстана.

Металлогения - это наука древняя, все геологи пытаются понять законы рудообразования. И заслуга Сатпаева

еще студентом горно-геологического техникума, немало поколесил на практике в Красноярском крае. Было это в 1952 году, когда начались первые детальные разведки сокровищ Сибири. Именно в тот год его определили в партию шестидесятилетнего М.П. Русакова.

- Меня сразу поразили его трудолюбие, удивительная способность оценивать запасы месторождений, - говорил В.В. Червинский. - И, конечно, его необычайная требовательность к себе и к товарищам.

- Именно в Сибири я впервые услышал от Михаила Петровича о богатствах Прибалхашья, крупнейшем по мощности меднопорфировом месторождении, - продолжал Червинский. - Михаил Петрович часто говорил мне: "Будь я свободнее, обязательно продолжил бы обследование этого удивительного края".

И тут Червинский поведал мне о "черных" страницах из жизни Русакова. Оказывается, по ложным доносам 31 мая 1949 года Михаил Петрович был арестован и сослан в Сибирь. Каныш Имантаевич узнал об аресте Русакова от его матери, она написала Сатпаеву: "Обращаюсь к вам как мать, прожившая трудную девятнадцатилетнюю жизнь, с мольбой - отнеситесь внимательно к моей просьбе..."

Будучи в Москве, Каныш, Имантаевич заходил на Лубянку, требовал справедливости в отношении Русакова, убеждал, что с ним поступили нечестно. Ведь Русаков - гордость Казахстана, в сорок шестом году за заслуги перед республикой его избрали академи-

гом. Приходил он в технологический, чтобы послушать лекции академика М.А. Усова, перед умом которого склонял голову. Кстати, и Каныш Имантаевич всегда с любовью говорил о своем учителе, Михаиле Антоновиче, называл его "пионером в деле зарождения и расцвета сибирской школы геологов".

На лекции Усова ходили не только студенты, но и опытные специалисты-геологи. Именно в перерывах между лекциями Усова сдружились Сатпаев и Русаков. А в народе не зря говорится: какого друга заведешь, такую и жизнь поведешь. Геолог Русаков был человеком поиска, творческих устремлений, у него было чему поучиться. Поэтому, когда пришла пора практики, студент Сатпаев попросился к Русакову в геологическую партию, которая разведывала в то время месторождения в долинах рек Шерубай-Нура и Сарысу.

Михаил Петрович охотно учил Сатпаева вести геологические работы в глухой степи в урочище Бесшоки. Позже в своих воспоминаниях он тепло напишет о практиканте-студенте Сатпаеве, их совместной работе по геологической съемке, осмотру целого ряда медных и других месторождений в 1923 году. "Больше всего его интересовали руды, их минералогия, условия залегания и в рудничных выработ-

и значительные средства.

Надо сказать, Михаил Петрович всю жизнь будет помогать Сатпаеву как самому близкому человеку, поддерживать его. В 1930 году, когда над прогнозами Сатпаева опять нависает дамоклов меч, когда ученые Яговкин и Котульский свирепствуют, опровергая пятилетний план широкой разведки Дзезказгана, составленный Канышем Имантаевичем, М.П. Русаков снова приходит на помощь. Чтобы решить конфликты между Сатпаевым и Геолкомом, Совнарком посылает в Карсакапай экспертом Всесоюзной комиссии по запросам полезных ископаемых не кого-нибудь, а именно Михаила Петровича Русакова. И он в своей докладной напишет: "К.И. Сатпаев совершенно правильно и впервые в истории этого рудного поля определил его масштаб и масштаб перспективных запасов меди в недрах Дзезказгана".

В конце концов Сатпаев не без помощи Русакова пробивает первую брешь в айсберге холодного равнодушия чиновников Геолкома к дзезказганским месторождениям. В 1934 году он и его геологическая экспедиция получают необходимые ассигнования на проведение разведочных работ по запасам меди, свинца, цинка, серебра в дзезказганских степях.

Справедливости ради надо

- именно создание такого жизнеспособного коллектива, который смог бы поднять этот колоссальный труд, - составить прогнозные карты Центрального Казахстана. Идеи были и есть у многих. И сейчас многие наши казахстанские геологи спокойно предали идеи Сатпаева и живут спокойнее и веселее.

Но тогда именно отец смог объединить и ученых и производственников, собрать воедино огромный материал, синтезировать его, создать эти карты, собрать в Алматы первое всесоюзное металлургическое совещание, выдержать жесткую дискуссию. И коллектив получил Ленинскую премию. И в этом коллективе был и Русаков, великодушный геолог-ученый, его верный друг и, можно сказать, наставник. Это был коллективный труд, но душой дела был Сатпаев. Его крепко поддерживал Русаков".

* * *

Готовя этот очерк, я неожиданно поймал себя на мысли - как мало мы знаем о Русакове. Если Канышу Имантаевичу посвящены книги А. Брагина, М. Сарсекеева, то о Русакове нет ни одной, даже маленькой брошюры... Но где же мне лучше начать сбор материалов о Русакове? После долгих раздумий пришел к выводу: конечно же, в Коун-

радской Академии наук Казахстана Русаков - это Коунрад, это - карагайлинский свинец и барит, это - Бошекуль, Алмалык. Его именем назван минерал ванадий Каратауского месторождения.

Ничто не действовало на твердолобых сталинских чиновников! Больше того - сам Сатпаев к тому времени уже находился к ним на подозрении, как и многие талантливые люди того времени. А вскоре и на Сатпаева "завели дело" Как вы знаете, его обвинили в крупных политических ошибках по воспитанию местных кадров, в национализме, допущенном якобы в юношеские годы. Может быть, его ожидала участь Русакова, но, как, спасая свою честь и свободу, писатель Михаил Шолохов выслал в свое время письмо "кормчему" Сталину о том, что его преследуют, так и Каныш Имантаевич дал телеграмму в Кремль "вождю всех народов". "В настоящее время, - сообщал он, - группа лиц, спекулируя на неправильном освещении некоторых материалов времен моего юношества, подвергает меня травле"

И, о чудо, как был в свое время спасен от тюрьмы Шолохов, так не попал в политзеки и Сатпаев. Вождь любил, чтобы его просили о снисхождении талантливые люди, правда, не всех он прощал, а только тех, чье имя было слишком

связывается с сотрудниками музея

Академик А.Е. Ферсман называл Михаила Петровича "Бурнопламенный Русаков". Всю свою жизнь он поклонялся "богине Геологии", самозабвенно любил избранную им специальность, и, надо сказать, "богиня Геология" отвечала ему взаимностью (им открыто свыше 50 месторождений).

Есть в музее несколько фотографий, на которых М.П. Русаков изображен вместе с Канышем Имантаевичем Сатпаевым. Вот они вместе гуляют в березовой роще, вот склонились над металлогеническими картами Центрального Казахстана, вот вместе рассказывают о несметных богатствах Казахстана в музее Института геологических наук.

Покидая поселок Коунрад, я попросил водителя машины остановиться у памятника первооткрывателю Коунрадского месторождения М.П. Русакову Мы проезжаем по улице, носящей его имя, сворачиваем в небольшой опрятный сквер А вот и стела с барельефом геолога, рядом - огромный кусок медной руды с прозеленью. Я долго смотрю на памятник и с благодарностью думаю о друзьях-геологах Сатпаеве и Русакове, которые поставили месторождения Центрального Казахстана на службу республике.

В. МОГИЛЬНИЦКИЙ